

Глава вторая

НА ВОЙНУ

Сегодня мы едем на фронт! Нужно, нужно ехать, активно действовать, вмешаться, остановить... Просто невозможно слушать эти сводки с недомолвками. Что значит — Минское направление? А город Минск? А города до него? Что с ними? Где фронт? Как там? Почему? Нет покоя от вопросов. Спасибо этому анонимному, умному, эрудированному, опытному ленинградскому хирургу, что не приехал и дал мне шанс. Я — начальник хирургического отделения полевого подвижного госпиталя номер 2266! Это — звучит. Правда, есть приписка: “На конной тяге”, но это пустяки. Я не боюсь ответственности. Нет, я все сделаю, как надо. Опыт? Да, очень мал. И двух лет не прошло после

института, минус перерыв три месяца — писал дипломный проект в индустриальном. Знаний у меня мало. Но есть Здравый Смысл. Это не очень часто встречается. То есть я просто не сомневаюсь, что справлюсь с этим ППГ.

Начальник неплох. Хаминов, Борис Прокопьевич, военный врач 3-го ранга. Одна шпала. Физиономия у него внушительная — второй подбородок, но на воротнике лежит жестковато. И животик при высоком росте и осанке тоже кажется жестким. Посмотрим.

Какими тягостными были эти дни... Утром 23-го на призывном пункте я слушал первую сводку: “Противнику удалось занять Кальвотин, Стоянут...”

А вчера утром все изменилось. Вызвали из больницы в военкомат. Дежурный сказал:

— Пойдете на улицу Коммунистов, 5. Там формируется полевой госпиталь. Поговорите с начальником.

Пришел, представился:

— Я врач Амосов.

Вижу — разочарование. Я молод, худ, невысок. Усадил и начал расспрашивать. Выглядело, наверное, слабо: кончил в 39-м, восемь месяцев аспирантуры, сменил три кафедр, сбежал, сделав всего несколько грыжесечений и аппендэктомий, потом хирург-ординатор здесь, в Череповце. Делал всю экстренную хирургию. Да десятка три лапаротомий (лапаротомия — разрез брюшной полости). Да, еще резекции кишечника, две резекции желудка. Травму знаю — гипс, вытяжение. Все-таки три месяца был в травматологии. Гнойную хирургию — да, знаю. Все знаю! Уверен. Но я говорил скромно. Упомянул о двух дипломах с отличием. Холостой, бездетный. Беспартийный. Сменой на электростанции командовал три года. Хорошо командовал. Начальство и подчиненные уважали.

Глаза у Хаминова карие, навывкате. Большая бородавка на щеке.

— Я беру вас начальником хирургического отделения. Не скрою, хотелось бы большего, но нет и негде взять. Должен был из Ленинграда отличный хирург приехать, но нет его. Видимо, перехватили.

Так я попал в ППГ. Хаминов взял и второго нашего ординатора, Лину Николаевну. Не знаю, хорошо это или плохо? Мы ссорились на службе, но понимали все с полуслова. Работник она хороший — мне для будущей работы очень нужный. Вот если бы не эта дружба! Накладывает все-таки обязательства... Нет, лучше бы она осталась дома! Да, Лизу, знакомого терапевта, тоже взяли. Добрая девушка! Прошел еще день в сборах и прощаниях, и вот уже на вокзале — грузимся, знакомимся. Комиссар Зверев. Политрук Шишкин, начальник АХЧ Тихомиров, начпрод Хрустолев... Все мобилизованные в Белозерске. Оттуда же санитары и лошади. Врачи — хирург Чернов и двое терапевтов, рентгенолог и аптекарша из Ленинградской области. Медсестры — череповецкие. Тамара и Татьяна Ивановна — операционные из нашей больницы, знакомые.

Потом десять дней в воинском эшелоне, в товарных вагонах; на голых нарах. По нескольку суток стоим на станциях. Извелись безделием и неизвестностью.

Было много времени для размышлений о хирургии. Перечитал “Топографическую анатомию”, вспомнил все, что знал о ранениях...

Война идет, а мы не работаем. Хуже: у нас даже имущества медицинского нет. Где-то еще должны выдать. Все это убивает. Но особенно тягостны сводки.

Речь Сталина слушали на вокзале в Ярославле. Скорбная речь. “Братья и сестры...”

9 июля кто-то наверху, наконец, определил нам место. Быстро провезли через Москву, повернули на Киев и выгрузили на лужке около станции Зикеево, не доезжая Брянска.

Тут же вечером — бомбежка. Паника была страшная, все в соседний лес убежали, только к утру очухались. И так, мы получили, выражаясь высоким стилем, боевое крещение. Да, две бомбы, несомненно, были. Пожалуй, можно считать, что “упали в нашем расположении”. Раненых и убитых не было, но моральный дух, к сожалению, оказался невысок. Что поделаешь — нестроевые и необстрелянные. Тем более женщины.

Лежу на своем бушлате под кустом и размышляю о вчерашней бомбежке. Я, по честному, не ощутил страха. Нет, я еду на войну не для геройства. На черную работу для Родины, без фразы. Но попутно — хирургия. Наверное, это единственная военная работа, полезная и для мира.

Прервал меня дневальный из “штаба”:

— Товарищ военврач, начальник требует.

Что ему еще там понадобилось? Иду к другим кустам, где, знаю, расположился Хаминов с интендантами. Вижу рядом с ним незнакомого военного в гимнастерке.

— Инспектор санотдела армии, военврач второго ранга такой-то (фамилию не уловил).

И дальше — деловой разговор.

— Я привез вам книжечку, очень важную книжечку: “Указания по военно-полевой хирургии”. Вот она, получите. В ней изложена наша единая доктрина.

Книжечка невзрачная, без переплета, малоформатная, но толстенная.

— Следующее: назначаетесь ведущим хирургом ППГ. Положение о ведущем хирурге вам, наверное, неизвестно... Или известно?

— Неизвестно...

— Ведущим хирургом назначается один из начальников Отделения, если их несколько, и ему предоставляется вся полнота власти в решении хирургических вопросов. Хаминову это не нравится.

— Еще — организация. Расстановка хирургических кадров-врачей, сестер — это тоже дело ведущего.

— А что же тогда начальнику остается? Начпродом командовать?

— Общее руководство и организация.

Я вежливо молчу.

— Вы свободны, товарищ военврач.

Итак, серьезно о военно-полевой хирургии. Какая-то “единая доктрина”...

“Черт-те что! Читать «Указания»”? Нет, сначала приведем в порядок то, что известно.

Крымская война — Пирогов. “Севастопольские рассказы”. Ранения пулевые и осколочные. Доктора в грязных мундирах второго срока зондировали все раны и обязательно пытались достать пулю. Результаты были ужасные: почти все раненые с повреждением крупных костей умирали от инфекции. Поэтому — первичные ампутации. Но и они не помогали. “Все равно — что так, что этак”. Пирогов был в отчаянии. Может, от этого он бросил хирургию в пятьдесят лет и сделался попечителем?

Русско-турецкая кампания, 1878 г. Помню книжки Данилевского “Белый генерал”, “Шипка”. Преимущественно пулевые ранения. Тактика “не трогать” — это реакция на Крым. И лучше. Но уже были Пастер и Листер, уже антисептика и мирная хирургия обретали надежды...

“На сопках Маньчжурии”. Позор России. Записки Вересаева. Борис Дмитриевич рассказывал как очевидец. В сущности — не было хирургии. Только вынужденные операции — ранения сосудов, отрыв конечностей. Уже была асептика, но никакой системы — эвакуация во чтобы то ни стало. Всех подряд и вместе. “Дренаж”.

Германская 1914-го. Прогнившая система не могла организовать и хирургии. Почти то же, что и в японскую, — эвакуация прежде всего, на передовых пунктах — только

гной: флегмоны, артриты, плевриты... О животе говорить не приходится — по-прежнему выживают лишь счастливицы.

Между тем на Западе, особенно у французов, было не так. Начали с того же: “Не трогать”. Быстро убедились — катастрофа! Масса осколочных ранений, загрязнение окопной землей — пошла газовая гангрена (газовая гангрена, газовая флегмона — быстро распространяющееся, вплоть до смертельного исхода, воспаление тканей в окружности раны, вызываемое анаэробными бактериями).[4] Но уже были работы Фридриха по хирургической стерилизации ран иссечением, как опухоли. И французы первые перестроились — ввели “профилактическую хирургию”. Иссекать раны в первые шесть часов после ранения. Оперировать на передовых пунктах всех раненых со сколько-нибудь значительными ранениями! Иссечения ран. Лапаротомии. Операции на черепе. Они добились результатов.

В гражданскую войну тоже не было настоящей хирургии, да и быть не могло. Врачи, впрочем, честно работали. Но где же думать об операциях, когда фронт меняется каждый день, и дай Бог успеть увести ходячих раненых. Да и нечем было оперировать — туго было с бинтами и медикаментами...

Вот такие-то дела были у нас в военной хирургии. Ни опыта, ни традиций, умели только возить раненых на сандвуколках, на поездах, а чаще — на крестьянских телегах. “Терпеливый русский народ...”

Впрочем, нет, история нашей хирургии не кончалась на гражданской войне. Тогда она только началась. Отличные организаторы появились. Они создали санитарную службу Красной Армии. В последние годы довелось ее опробовать: Хасан, Халхин-Гол, Финляндия.

Бурденко — главный хирург. Надо думать, в деле, проверили военную советскую хирургию. Оттуда, наверное,

и эти “Указания”. Как жаль, что я не интересовался и не читал. В институте так скучно преподавали: БМП, ППМ, ДМП, ДГ (БМП — батальонный пункт медпомощи, ППМ — полковой пункт медпомощи, ДМП — дивизионный пункт медпомощи, ДГ — дивизионный госпиталь, ГЛР — госпиталь для легкораненых), а ППГ что-то и не помню — был ли он в схемах?

Займемся вплотную “Указаниями”. С сознанием всей полноты ответственности. (Все-таки это здорово звучит — ведущий хирург!)

— Эй-й, товарищи! Грузиться!

Оказывается, переезжаем, — “передислокация”. Этот военврач дал указания перебазироваться (тоже новое слово) в пустующую сельскохозяйственную школу, что в лесу с другой стороны станции Зикеево.

Школа оказалась подходящей. Несколько одноэтажных домов, сарай, навесы, кругом лес. Тут бы и раненых принимать можно. (“Провалюсь с треском!”)

Разместили нас, как в вагонах: командиров, женщин. И отдельно — “рядовой состав”.

Я забрался за дом, на бревна, и изучаю “Указания”. Сказали: завтра будем проводить учения.

Очень интересное понятие “Единая доктрина военно-полевой хирургии”. Это значит: все хирурги на всех фронтах должны лечить раненых одинаково, по этим самым “Указаниям”. И тут регламентация... Значит, никакой творческой инициативы? “Делайте, как я”?

Нет. Дальше читаю разумное объяснение. Оказывается, регламентация нужна потому, что в большую войну хирургией занимаются в основном не хирурги, знаний у них нет, и от инициативы — одни потери. Может быть.

Содержание этой самой доктрины. Военно-полевая хирургия — это сочетание четырех видов деятельности. Эвакуация — по назначению — в то самое санитарное

учреждение, в котором данному раненому будет оказана положенная ему помощь. Госпитализация — задерживание для лечения — от вида ранения, состояния раненого, оказанной помощи и от обстановки на фронте!

Хирургическая помощь — профилактическая хирургия. Самое важное — убрать пищу для микробов: разможенные осколком или пулей ткани. Здоровые клетки микробов не боятся, за исключением особо “ядовитых”. К таким относятся возбудители газовой флегмоны или гангрены, так называемые анаэробы — микроорганизмы, развивающиеся без доступа кислорода. Раз дело не в микробах, то можно и после шести часов обрабатывать — все равно будет польза. Можно и не иссекать, а только рассекать рану. И что самое главное — нельзя ее зашивать! Ни в коем случае. Это подчеркнуто в “Указаниях” несколько раз. Практика войны показала: в медсанбате иссекут рану, зашьют, эвакуируют, а пока раненый придет в госпиталь, где перевязка, — уже газовая, уже ампутировать нужно. А то и поздно...

О переломах ничего нового для себя не нашел. Имобилизация (иммобилизация — обеспечение неподвижности раненой конечности с помощью различных шин или гипса) — шины, гипсовые лонгеты, мостовидные гипсовые повязки. Показаны те же уродливые конструкции, которые были в наших учебниках. Вот только в натуре я многих военных шин не видел. Особенно самую важную — шину Дитерихса (шина Дитерихса — транспортная шина для иммобилизации переломов бедра и крупных суставов, состоящая из двух деревянных планок, одна из которых идет от подмышки до стопы).

О ранениях живота — тоже ничего нового. Лечить, как и в мирное время. Сумею. Только оперировать нужно в первые шесть часов. Как их так быстро доставить, если армия отступает? Но не будет же отступать вечно... Череп должны

оперировать нейрохирурги в спецгоспитале. Бурденко это разделал хорошо — его главная специальность.

Грудь — туманно. Главное новое — отсасывать гемоторакс (гемоторакс — накопление крови в полости плевры, между легким и грудной стенкой, в результате ранения легкого). А насчет операций — осторожно. Только грудную стенку. Да, еще ушивать пневмоторакс (пневмоторакс — скопление в полости плевры воздуха, выходящего из поврежденного легкого и сдавливающего его). И то — до кожи! Не знаю, как. Однако основа всего — это сортировка. Впечатление, что раненых нужно все время сортировать. На эвакуацию, на госпитализацию, на перевязку, на операцию. Всюду — 1- и 2-я очереди. Все в зависимости от общего состояния, от ранения, сроков поступления, загрузки МСБ или госпиталя. И — превыше всего — от “санитарно-тактической обстановки”.

После этого был еще один переезд — в г. Жиздру, где мы получили медицинское имущество и развернулись в летнем пионерском лагере. Раненых не было, но хорошо прорепетировали и подучились: повязки, шины накладывали, “Указания” прорабатывали. А где-то шла большая война — грустные сводки, бомбардировки Москвы...

* * *

4 августа мы вплотную подходим к фронту. Вечереет. Впереди нас то ли туча, то ли сплошной густой дым — мрачно. Непрерывный гул артиллерийской стрельбы. Уже целые сутки мы его слышим. ППГ-2266 шагает на запад, “4-го августа к 18.00 развернуться в районе г. Рославль и принять раненых от МСБ”. Этот приказ лежит в кармане у начальника.

Обоз, двадцать две пароконные подводы, уже движется из Жиздры шестой день. Спешим, боимся опоздать — осталось несколько часов до срока.

Штабная подвода впереди, рядом с нею шагает Хаминов в крагах. Я знаю, что у него расширение вен и он страдает, но впереди стрельба — и он должен идти первым. Комиссар сегодня сзади подстегивает, чтобы не растягивались, не отставали. Кони шагают споро, хотя позади — 180 километров за шесть дней, и телеги нагружены тяжело...

Мы идем пешком. Лишь несколько женщин, которые стерли ноги, стыдливо примостились на повозках. У некоторых туфли порвались, идут босиком — маленьких сапог так и не получили.

Моя база — телега операционной. Здесь же приписаны Лина, Лиза, Татьяна, Тамара, Зоя. Хороший народ в нашей компании. Побаиваются канонады, разумеется, но сомнений в правильности приказа не высказывают.

Я тоже думаю, что все правильно. Стреляют? Так это же война. Всю дорогу мы едем проселками: избегаем бомбежек и чтобы машины нам не мешали... Правда, кони уже привыкли и не шарахаются в сторону, как вначале. В глуши перелесков мы не чувствовали войны, пока не услышали стрельбу... Даже сводок не знаем, радио у нас нет.

Уже привыкли к походу. Спим на земле — с вечера валимся, как подкошенные, а ночью просыпаемся от холода — чертовски холодные ночи на Смоленщине. Но шинель хороша! И теплые портянки тоже пригодились — на ночь я разуваюсь и ноги в них завертываю. Пилотку тоже не снимаю — уши мерзнут.

В Жиздре кипяtilьник приобрели, поэтому кипяток есть два раза в день, а вечером — еще суп, если сон не сморит, пока Чеплюк варит, прислушиваясь к ночному небу, не летят ли там самолеты. Еда хорошая, только нерегулярная. Но сейчас не до желудка и не до ног. Впереди дым, стрельба явно усиливается. Ропот:

— Куда он нас ведет? Сусанин нашелся!

— Неужто не видит? Прямо в пекло!

— Где эти начальники, что встретить нас должны?

— Они давно сами смылись!..

Солдаты стали попадаться часто — в каждой деревеньке кто-нибудь есть. Не только обозы, но пушки и машины со снарядами. Раненых, однако, не встречали... Начальник послал собирать информацию. Сведения противоречивые.

— Бои в Рославле.

— Наши оборону держат километров десять западнее Рославля.

— Немцы прорвались — прут, страшное дело!

— Не видите, что ли? Горит Рославль!

Восемь вечера. Мы уже опаздываем. Начинает смеркаться. Подъезжаем к следующей деревне. Тут нам нужно на Варшавское шоссе поворачивать — хватит плутать по проселкам. Где-то на шоссе при въезде в город нас должен встречать представитель санотдела. На опушке леса артиллеристы устанавливают орудия, стволы направлены к дыму. В разговоры не пускаются — заняты. Только посмотрели удивленно.

Мы решительно поворачиваем на север и направляемся к шоссе. Стрельба, кажется, совсем рядом. Некоторые даже пулемет слышат, но я не разбираю. Уже слышен дорожный шум — трактора трещат, а может, танки. Машины идут почти непрерывно. До Рославля — 8 километров. Насыпь высокая, на шоссе с трудом взобрались. Выехали и выстроились на обочине. Только проехали метров сто — остановка. Эмка с целевидными тусклыми фарами освещает группу: Хаминов высится, рядом поменьше — Зверев и еще один военный в фуражке. Я подхожу и слышу разговор:

— Покажите мне вашу карту и приказ. Хаминов открывает планшет.

— Поворачивайте обратно и поскорее уезжайте.

Замешательство. Молчание.

— Ну, что же вы? Командуйте!

Зверев:

— А как же приказ?

— Я вам приказываю. Полковник Тихонов из отделения тыла армии... Можете сослаться в санотделе. Ясно? Выполняйте!

— Слушаюсь.

Хаминов дал команду и сел в первую повозку.

— Ну, поехали!

И мы поехали. Да как! По асфальту легко, все забрались на телеги, повозочные взмахнули вожжами и — бегом, рысью, а где и в галоп!

Отмахали километров двадцать. Ни разу не остановились, лошади не хромали, колеса не ломались, возы не развязывались. Наконец, переехав реку Остер, мы свалились вправо от шоссе в реденький лесок. Не греем кипятильник, не раздаем даже хлеб и сахар — прямо спать.

Мы отступаем. Все дальше и дальше на восток. Сегодняшняя сводка: оставили Смоленск... Бои, надо думать, под Киевом, Умань и Белая Церковь уже упоминались.

Мы, ППГ-2266, тоже отступаем со всеми. После того как чуть было не отбили Рославль, дневали в бывшем сельхозтехникуме. Рославль, между прочим, был у немцев уже — его сдавали как раз в те часы, когда мы вышли на шоссе. Отступили в Сухиничи. Имеем приказ развернуться. Даже машину дали для переезда. Едем вдоль железной дороги мимо станции, нефтебазы, обсаженной тополями, и поднимаемся в гору. Там бараки. Начальник вылез из кабины.

— Посмотри, Николай Михайлович, неплохое место для нас.

И вдруг: з-з-з... Б-бах! И сразу еще, ближе: з-з-з-з... Б-бах!

Все ссыпались с машины, попадали, притаились... Нет, я не ложился, только присел, но голова втянулась в плечи,

не удержал. Однако больше ничего не последовало. Только гул улетающего самолета и несколько запоздалых выстрелов зениток. Тишина и солнце. Мир. Вылезли, возбужденные и смущенные. Две воронки обнаружили метрах в ста, ближе к нефтебазе. Далеко от нас... Зря испугались. Пропал интерес к осмотру места. Хотя, впрочем, неплохое. Два ряда пустых одноэтажных барачков, коридорная система, большие комнаты.

— Можно разместить хоть тысячу!

— Можно-то можно, но ты смотри, какие соседи. Станция — раз, нефтебаза — два.

Начальник вытащил свою карту, и мы рассматриваем окрестности. Километрах в трех оказалась деревня Алнеры — дорога прямо отсюда, от барачков. Команда:

— Садись, поехали!

И вот, мы здесь. Посмотрели и решили: быть госпиталю! Деревня — это широкая балка с зеленым лугом, речкой, два ряда домиков по обоим косогорам. Просторно, вольно... В конце деревни на холме — начальная школа в большом яблоневоm саду. Остатки фундамента, несколько старых сараев, низенький дом. Все обсажено двумя рядами старых тополей. Школа пуста — каникулы. Четыре классные комнаты, учительская. Трогательные маленькие парты для первоклассников. На доске нарисована рожица. Где ты — мир?

Распланировали: для тяжелых раненых — классы, легких — в палатки под липами. Там же перевязочную. Баню, кухню — на улице. Штаб — в домике рядом. Персонал разместим в деревне. Разгрузились. Ожидаем обоз. Палатки, впрочем, поставим сейчас же.